

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK № 83 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

II

М. Г. МАКАРОВ

К ВОПРОСУ КАТЕГОРИИ „ЦЕЛЬ“ В ФИЛОСОФИИ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

ТАРТУ 1960

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
VIHK 83 ВЫПУСК

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

II

М. Г. МАКАРОВ

**К ВОПРОСУ КАТЕГОРИИ „ЦЕЛЬ“ В ФИЛОСОФИИ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА**

ТАРТУ 1960

Редакционная коллегия:

А. Каск, Х. Моосберг, В. Рейман, И. Сильвет, О. Штейн (отв. редактор)

Положения марксизма-ленинизма, относящиеся к категории «цель», выясняют общие условия выработки целей, их градацию, соотношение средств и цели. Они дают общее теоретическое обоснование мобилизующей роли целей, ставящихся партией перед народом. В этой связи разработка философской категории «цель» в диалектическом материализме приобретает особенное значение.

Проблема гносеологической природы понятий «цель» и «целесообразность» давно уже подымается ходом развития естествознания.

Актуальность проблемы диктуется и практикой современной идеологической борьбы, видное место в которой буржуазными идеологами и ревизионистами отводится концепции «конечных причин».

Задача разработки категории «цель» вытекает в то же время и из внутренних потребностей развития марксистской философии, необходимости дальнейшего уточнения и систематизации ее категорий.

1. О ПРОБЛЕМЕ «ЦЕЛИ» В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ

Вопрос о том, существуют или нет в природе, вне сознания человека, цели, представляет собою форму основного вопроса философии. Спор об этом — одно из проявлений борьбы материализма и идеализма, науки и религии. Телеология на протяжении столетий служила одним из основных идеологических препятствий на пути научного прогресса. Борьба материализма против телеологической идеи целей в природе («конечные причины») — одна из крупнейших заслуг материалистической философии перед естествознанием. Телеология является однако не просто нелепым заблуждением. Враждебная науке, она имеет определенную основу в развитии самого научного познания как иррациональное выражение некоторых аспектов действительности.

Главным полем борьбы с телеологией в естествознании была, начиная с мыслителей древней Индии и Греции, область изучения органического мира. Здесь имеются глубокие корни для телеологических построений. В течение веков перед исследователем стоял загадочный сфинкс органической целесообразности. Этот вопрос

оказывался непреодолимым препятствием для ранних эволюционистских учений.

Научная теория развития живой природы должна была дать разгадку объективной целесообразности в органическом мире. Эту задачу выполнил Чарлз Дарвин.

Целесообразность живых существ без остатка сведена дарвиновской теорией естественного отбора к естественным, «действующим» причинам. Это оказалось возможным потому, что понимание причинности в дарвинизме фактически отбрасывает (употребляя выражение Энгельса) «шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно противостоящих полюсах», отражая объективную диалектику органической природы. Воздействие внешних условий на организм вызывает индивидуальное изменение организма. Чтобы закрепиться в поколениях и стать изменением родовым, новым признаком вида, данное изменение должно вступить в сложнейшие отношения между организмами как данного вида, так и разных видов. Внешняя причина — воздействие среды, преломившись через внутреннюю природу организма, осуществляется как следствие в развитии вида, лишь проходя через внутренние противоречия живой природы в целом, как противоречий между видами, так и внутри вида. Изменившийся организм вступает в новое взаимодействие с окружающей средой. Если последнее благоприятно для развития и размножения организма, то эта целесообразность изменения становится сама причиной сохранения и закрепления возникшего изменения, а также условием дальнейшего накопления изменений в том же направлении. Существующая в настоящее время целесообразность выступает в качестве результата действия естественного отбора, в ходе которого целесообразность включается в качестве необходимого звена в сцепление причин и следствий, играя роль то следствия, то причины, посредством которой отбор осуществляет свое действие. «Естественный отбор действует только на пользу данного существа и через посредство этой пользы.»¹ Таким образом, целесообразность не есть только реальное, но пассивное следствие. Она оказывает активное воздействие на эволюцию, но не в форме цели, а как общее материальное условие отбора. Достигнутая сложная целесообразность есть в определенном отношении следствие полезных свойств предшествующих промежуточных форм.² Существующую здесь диалектическую связь прек-

¹ Ч. Дарвин, Происхождение видов, Гос. изд. с.-х. лит., 1952, стр. 187

² В качестве затруднения для теории естественного отбора Дарвин указывал в частности на электрические органы рыб, полезность промежуточных стадий генезиса которых трудно было себе представить («Происхождение видов», стр. 213—214). В позднейшее время взгляды Дарвина получили подтверждение и в данном вопросе. Выяснено, что слабые электрические разряды у некоторых рыб аналогичны радарной установке.

См. Sir Gavin de Beer, The Darwin-Wallace Centenary, «Endeavour», vol. XVII, N 66, 1958, p. 68.

расно выразил К. А. Тимирязев: «Полезьа, совершенство какого-нибудь органа, представляющиеся нам в процессе индивидуального развития как бы концом, завершением, результатом или, на языке схоластики, его целью, его конечной причиной, в действительности является только условием, определившим образование этого органа в бесчисленных степенях его приближения к совершенству у предков рассматриваемого неделимого Дарвин не отверг конечных причин, он сделал лучше — он их завоевал, переместив их на их законное место. Причина вместо того, чтобы следовать за своим следствием, стала ему предшествовать, то есть вернулась на указанное ей логикой место .»³

Диалектико-детерминистическое понимание целесообразности должно было объективно явиться и раскрытием диалектики соотношения случайности и необходимости в развитии органического мира. Теория Дарвина показала «относительность различия случайного и необходимого», понимание которого, как указывает В. И. Ленин, отличает диалектику от метафизики в трактовке этих категорий. Согласно Дарвину, целесообразность первичных наследственных изменений носит случайный характер. Эта случайность есть отношение между отношениями: отношением характера внешнего воздействия к наследственному изменению и отношением данного изменения ко всему организму как целому и через это — к подвижному комплексу окружающих организм условий органической и неорганической среды. Одновременно же это полезное изменение является в определенном отношении необходимым, как закономерный результат воздействия некоторых факторов среды в известных условиях. Возникновение целесообразности в процессе отбора с необходимостью предполагает среди множества изменений наличие относительно полезных приспособительных изменений, на которые и осуществляется отбор. Развитие науки раскрыло в некоторых областях природы ряд условий, при которых осуществляется приспособительная изменчивость. И. В. Мичурин признает приспособительно направленные изменения в качестве одной из закономерных форм изменчивости. Т. Д. Лысенко вскрыл закономерности возникновения приспособительных изменений на материале экспериментального превращения наследственно яровых культур в наследственно озимые. В микробиологии обнаружен приспособительный характер изменений бактерий в ответ на воздействие внешних факторов.

Приспособительное изменение, являющееся закономерным, необходимым в определенных случаях, не носит всеобщего характера и поэтому не является необходимостью по отношению к изменениям вообще. И. В. Мичурин решительно возражал против ламаркистской идеи прямого полезного приспособления⁴ как всеоб-

³ К. А. Тимирязев, Избранные сочинения, М., 1949, т. 4, стр. 337—338.

⁴ Против ламаркистского понимания приспособления направлено замечание Энгельса в «Диалектике природы», см. Ф. Энгельс, «Диалектика природы», 1948, стр. 166.

щей закономерности. Теория прямой акклиматизации, писал он, стоит «за пределами науки».⁵ Т. Д. Лысенко развивает представление об «адекватной изменчивости», находящейся в известном соответствии с характером вызывающих ее внешних причин. Основные высказывания этого ученого по данному вопросу требуют различать адекватность изменения и приспособленность к среде. «Адекватная изменчивость это еще не приспособительная изменчивость.»⁶ Приспособленность организма к среде, полезность его свойств — результат только естественного отбора.⁷ Одной из возможных причин явления приспособительной изменчивости как частного случая изменчивости вообще может служить воздействие на изменчивость естественного отбора, допускаящееся Дарвином.⁸ Следовательно, такого рода приспособляемость опосредствована естественным отбором и может быть объяснена при помощи последнего. Приспособляемость и целесообразность — не нечто первичное, — говорил Н. Е. Введенский, — «но свойства, выстраданные живыми организмами в многовековой борьбе за существование и передаваемые наследственно.»⁹ Там, где нет соответственной наследственной основы, закалка и воспитание оказываются бессильными выработать наследственные приспособления. Это показывают, в частности, работы китайских ученых по предпосевному закаливанию растений. Проводившееся ими закаливание против засухи оправдало себя в отношении пшеницы, тогда как по отношению к рису оно дало отрицательные результаты, так как эта культура по своей природе, сложившейся под воздействием естественного отбора, не имеет наследственных возможностей соответствующего приспособления.¹⁰

Целесообразность, возникая первоначально как случайность, не вытекающая из общих законов изменчивости организмов, развивается в процессе отбора в общий необходимый признак. Действие закона естественного отбора, создающее целесообразность, необходимо. Необходимое действие этого закона превращает случайность в необходимость. Таким образом, образование органической целесообразности в ходе отбора есть необходимый,

---

⁵ И. В. Мичурин, Сочинения, М., 1948, т. 1, стр. 606.

⁶ Т. Д. Лысенко, За материализм в биологии, «Агробиология», 1957, № 6, стр. 16.

⁷ Т. Д. Лысенко, Агробиология, 1949, стр. 360.

⁸ Воздействие отбора на изменчивость признается и сторонниками хромосомной теории наследственности. См. Н. В. Тимофеев — Ресовский и Р. Р. Ромпе, О статичности и принципе усиления в биологии, «Проблемы кибернетики», вып. 2, 1959, М., стр. 225.

⁹ Физиология нервной системы, Медгиз, т. 1, 1952, стр. 576.

¹⁰ П. А. Генкель, Физиология устойчивости растений и ее изучение в Китае, «Вестник Академии Наук СССР», 1958, № 10.

закономерный процесс создания новых форм, однако в диалектическом понимании необходимости.

Дарвин показал, что органическая целесообразность возникает как результат сложнейшего диалектического взаимосцепления причин, составляющего закон естественного отбора. В его теории «... основные процессы природы объяснены, сведены, — по словам Энгельса, — к естественным причинам.»¹¹ Дальнейшее развитие науки не могло не уточнить, не вскрыть новые аспекты этой причинной связи. Но не может быть материалистической эволюционной теории без признания решающей роли естественного отбора. Всякий отход от основного принципа дарвинизма всегда неизбежно связан с метафизическим подходом к тем или иным категориям (причина и следствие, случайность и необходимость, общее и отдельное), создающим гносеологическую возможность телеологических выводов.

Открытие И. П. Павловым условных рефлексов дополнило дарвиновское учение о происхождении органической целесообразности материалистическим объяснением самой основы механизма целесообразного поведения высших животных. Последнее явилось объективно, подобно тому как это имело место и в теории Дарвина, применением диалектики причины и следствия, случайности и необходимости. Образование условного рефлекса предполагает, что раздражение, случайное по отношению к безусловной реакции организма, совпадает с последней, включаясь тем самым в необходимую связь. Способность безусловного раздражителя вызывать с необходимостью определенную реакцию передается ранее индифферентному агенту, становящемуся условным раздражителем. При слишком продолжительном отсутствии подкрепления условный рефлекс гасится и связь теряет свой необходимый характер. Условно-рефлекторная деятельность животного, включающая в себя взаимопревращение случайности и необходимости, позволяет ему находить пищу, избегать врагов и т. д. «по разным случайным и временным признакам», создавая «огромную широту и глубину приспособленности, уравнивания организма с окружающей средой.»¹² Условный рефлекс играет роль механизма предвосхищения жизненно важных обстоятельств. Внешние причины действуют через посредство внутренних: условно-рефлекторная реакция включает момент обусловленности предыдущим опытом организма, выступающим в роли внутреннего. В теории условного рефлекса выступает и та сторона диалектического взаимоотношения причины и следствия, которая заключается в обратном воздействии следствия на причину. Уже образование условного рефлекса требует, чтобы рефлекторная реакция организма

¹¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1948, стр. 158.

¹² И. П. Павлов, Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных, Физиология нервной системы, вып. 4, М., Медгиз, 1952, стр. 602.

находила подкрепление. В процессе подкрепления осуществляется воздействие следствия (удовлетворение определенной потребности) на причину (соответствующий образ действия животного). Это же диалектическое отношение лежит в основе так называемых «произвольных» движений. И. П. Павлов рассматривает их как сложнейший рефлекторный акт, в который входит отражение не только внешних условий деятельности, но и собственных двигательных реакций и достигаемых с их помощью результатов. Когда раздражение жизненно важным безусловным агентом совпадает с движением животного, носящим вынужденный, пассивный характер, то, как следствие этого, возникает связь между корковыми центрами первого возбуждения и соответствующими кинестезическими клетками. В дальнейшем же возбуждение первых само вызывает через эту связь активную двигательную реакцию животного. Связь, возникшая как следствие пассивного движения, превращается в ближайшую непосредственную причину этого движения, принимающего характер активного произвольного действия. Причина и следствие меняются местами.

Положение И. П. Павлова о двустороннем направлении временных нервных связей вскрывает материальную основу обратного воздействия психического на окружающий мир. На основе объединения физиологических процессов в нейронах мозга возникают образы — ощущения, восприятия, представления, определяющие замыкание данных центров с двигательными центрами. Ответная реакция опосредствуется, таким образом, в случаях сложнейших видов поведения высших животных психическими образами объектов внешнего мира. На основе сложившихся у животного в его индивидуальном опыте систем условных рефлексов под влиянием того или другого условного раздражителя в коре мозга возникают приблизительно такие же образы с такой же локализацией их во внешней среде, как это имело место при возникновении этих временных связей. Отражение, жизненно важных объектов в единстве с действиями животного направляет, регулирует приспособительные движения последнего по отношению к этим объектам. Целесообразность высшей деятельности животных достигается с помощью средних, психических звеньев рефлекторных актов. Это — высшее качество целесообразности в органической природе, связанное с активной ролью психики животного. Оно же лежит в основе возникновения реальных целей человека.

Отрицание возможности рассмотрения психического в качестве непосредственной причины действия вытекает из абсолютного противопоставления идеального материальному вне гносеологии, из непонимания того, что психические процессы, являясь в познавательном отношении субъективным отражением, представляют в то же время промежуточные звенья рефлекса, особое состояние головного мозга. Бихевиоризм, отрицающий реаль-

ность явлений психики как качественно своеобразной формы нейродинамических процессов, не в состоянии решить проблему детерминации действий высших животных факторами окружающей среды. Объяснение целесообразного характера высших форм поведения животных, игнорирующее роль психического звена рефлекса, субъективного образа, логически приводит к надделению всех биологических процессов психическими свойствами и дает возможность для телеологических выводов.¹³

Признание активной роли психических отражений предметов в целесообразности движений высших животных позволяет связать возникновение и действие сознательных целей человека с общей целесообразностью органической природы. Активное действие человеческих целей представляет собою новое, высшее качество этой целесообразно регулирующей функции психического.

Вместе с тем исследование роли психического в поведении животного показывает отсутствие у животных целей. Ощущения, восприятия и представления высших животных, будучи психическими явлениями, идеальными образами предметов объективного мира, целесообразно направляющими действия животных по отношению к этим предметам, возникают на основе деятельности первой сигнальной системы, не являясь целями.

Диалектический материализм, в полном соответствии с данными естественных наук, не допускает отождествления сознания человека с психикой высших животных. Наделение последних способностью мышления, способностью ставить перед собою цели и руководствоваться ими в своих действиях, противоречит сущности понимания единства и различия между обществом и природой в диалектическом и историческом материализме. Как справедливо указывает советский исследователь высшей нервной деятельности антропоидов, Э. Г. Вацуро, нивелировка качественного отличия интеллектуального поведения человека и животных исключает полностью «всякий истинно каузальный подход к проблеме интеллекта.»¹⁴ Примером такой нивелировки служат взгляды Кёлера, Йеркса и других в современной буржуазной науке, согласно которым у человекообразных обезьян мы находим разумное поведение того же самого рода, что и у человека. Теории, наделяющие психику животных целями, связаны с телеологическим течением гештальтпсихологии.¹⁵ Неспособность животных оперировать представлениями, ситуативная связанность их конкретного мышления, отсутствие общих понятий —

---

¹³ Логику перехода от вульгарного материализма бихевиористических теорий к открытой телеологии ярко иллюстрирует работа E. Ch. Tolman, *Purposive Behavior in animals and men*, New York: London, 1932.

¹⁴ Э. Г. Вацуро, *Исследование высшей нервной деятельности антропоидов*, М., 1948, стр. 165.

¹⁵ T. Hermann, *Problem und Begriff der Ganzheit in der Psychologie*, Österreich. Akad. d. Wissenschaften, Wien, 1957, S. 45.

все это совершенно исключает возможность существования у них целей.

Дарвиновская теория происхождения органической целесообразности и открытие Павловым основных мозговых процессов, регулирующих целесообразное поведение высших животных и человека, явились наряду с развитием техники основой для возникновения кибернетики. Эта абстрактная, точная теория регулирующихся сложных систем изучает общие принципы целесообразно осуществляющихся процессов. Она полностью подтверждает материалистическое понимание цели и целесообразности, позволяя в то же время несколько по-новому осветить эту древнюю философскую и естественнонаучную проблему.

Кибернетика открыла возможность точного количественного измерения и реализации в искусственно создаваемых машинах отношений информации, обратной связи, регуляции, управления, которые в качестве общих необходимых звеньев входят в любую целесообразно ведущую себя систему. Эти особенные формы материальной связи приобретают характер общих закономерностей с возникновением жизни, важнейшим фактором которой служит полезность конечного эффекта. Обратная связь — метод управления системой путем включения в нее результатов ее предшествовавших действий — составляет основную общую сторону отношения целесообразности. Она представляет собою специфическую для взаимодействия между управляющим и управляемым устройствами форму отношения обратного воздействия следствия на причину, на которое давно уже обращала внимание диалектика. Информация о разнице между требуемым состоянием и фактическим, передаваемая по каналу обратной связи, превращается в причину, заставляющую регулируемую часть устройства двигаться так, чтобы устройство все более приближалось к этому состоянию.

С представлениями кибернетики прежде всего прекрасно согласуется сама теория естественного отбора, как регулирующего механизма эволюции.¹⁶ В то же время применение кибернетических методов показывает ошибочность идеи прямого приспособления.¹⁷

---

¹⁶ См. И. И. Шмальгаузен, Контроль и регуляция в эволюции, «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отд. биол., 1958, № 5, его же, Регулирующие механизмы эволюции, «Зоологический журнал», т. XXXVII, в. 9, 1958.

¹⁷ См. С. Л. Соболев и А. А. Ляпунов, Кибернетика и естествознание, «Вопросы философии», 1958, № 5. В этой статье отождествляется отношение кибернетики к указанной идее с отношением кибернетики к положению о наследовании приобретенных признаков, которому придается особенно важное значение мичуринским направлением в биологии. С подобным отождествлением нельзя согласиться. Если прямое приспособление (в ламаркистском понимании) с точки зрения принципов кибернетики фактически невыполнимо, (оно требовало бы существования потока информации от организмов потомков к родителям), то против второго положения авторами приводится

Теория естественного отбора дала в общей форме материалистический ответ на вопрос о причине возникновения целесообразной саморегуляции организмов. Но дарвиновское объяснение того, почему возникла такая особенность живых существ, должно быть дополнено объяснением того, как в принципе может осуществляться эта саморегуляция. Телеология неовитализма опиралась на трудности, встававшие перед детерминизмом при ответе на последний вопрос. Пытаясь модернизировать анимистические воззрения, неовитализм стремился увязать их с законом сохранения энергии. Так, согласно неовиталисту И. Рейнке, идеальные начала — доминанты, эти «демоны» или «кормчие энергии», могут осуществлять свои цели, лишь считаясь с неизбежными законами сил природы. Оставляя без изменения количество энергии, они определяют ее качественную сторону, «направляют и регулируют и превращают одну форму энергии в другую.»¹⁸ Г. Дриш выдвигал представление о нематериальной энтелехии, в качестве цели определяющей гармоничное отношение частей и направляющей действие материальных факторов, например, в процессах регенерации. Регулирование он понимал как прямое, линейное управление протекающих в организме процессов со стороны надматериального начала, преследующего «цели» и «планы». Кибернетика же позволила понять в общем виде принцип регулирующей системы с обратной связью, не оставляющий места телеологическим идеям. С этой точки зрения (не в энергетическом отношении) организмы представляют собою сложные замкнутые автоматические системы с обратной связью, что исключает управление ими со стороны «энтелехий» и т. д.

Кибернетический принцип обратной связи одновременно подрывает еще один из корней телеологического мировоззрения. Благодаря циклической связи элементов в замкнутой системе с петлей обратной связи возникает качественно новое функциональное единство, которое содержит в себе больше, чем свойства составляющих его первичных элементов. Старым спекуляциям телеологии на несводимости целого к простой сумме частей ки-

---

в качестве довода, что до сих пор неизвестны каналы, по которым должна бы передаваться в таком случае информация от тела в целом к зародышевым клеткам. Авторы указывают тем самым на трудность, которая давно стоит перед биологией. Выход из этого затруднения пытался найти в своей гипотезе пангенезиса еще Дарвин, решительно признававший наследуемость приобретенных признаков. Дальнейший конкретный биологический, цитологический и физико-химический анализ должен вскрыть соответствующие механизмы, свойства живой материи. Собственно кибернетическая наука никаких своих принципиальных возражений против положения о наследуемости приобретенных признаков не выдвигает, как это показывает в сущности сама аргументация С. Л. Соболева и А. А. Ляпунова. Применение кибернетики к теоретическим проблемам биологии не стоит в каком-то противоречии с существованием мичуринского учения.

¹⁸ J. Reinke, Über die in den Organismen wirksamen Kräfte, «Biol. Zentralblatt», 1901, № 19.

бернетика противопоставляет практически проверенное в технике решение, в котором находят конкретное воплощение положения диалектики.

В замкнутой циклической причинной цепи система взаимодействует сама с собою: отклонение ее состояния от нормы служит каждый раз причиной устранения самого этого отклонения. Так, например, нормальным является содержание сахара в крови, равное, примерно, 100 мг на 100 мм. Повышение его количества вызывает выделение инсулина, стимулирующего превращение сахара в гликоген и отложение последнего в печени. Недостаток же сахара приводит к мобилизации адреналина, вызывающего обратное превращение гликогена в сахар. Подобного же рода регуляции имеют место в работе мышц, зрачка, при поддержании постоянства температуры тела, давления крови и т. д. Здесь везде имеет место непрерывное исправление нарушений, через которые осуществляется норма. Устойчивость ее, отрегулированность существуют именно благодаря отклонениям. Отрицательная обратная связь содержит в себе противоречие — относительное равновесие взаимосвязанных противодействующих факторов. Это исключает наличие «цели», «плана», «разумности» в организмах. Развитие кибернетики уже привело к созданию, на основе соответствующего устройства обратной связи, первых машин, которые подобно животному организму способны сами восстанавливать свои функции после повреждения. «Таким образом, — замечает У Р Эшби, — теперь доказано, что восстановление функции, якобы требующее, как когда-то считалось, какой-то виталистической «силы» или особого «разума», вполне доступно обычному механизму, если он в определенной своей части обладает стохастическими свойствами и притом снабжен подходящей обратной связью.»¹⁹

Кибернетика еще раз подтверждает правильность павловской идеи условного рефлекса, открывая возможность для более глубокого понимания этой важнейшей закономерности действия мозга. Принцип обратной связи наводит физиологов на мысль дополнить схему рефлекторной дуги схемой регуляционного цикла, как более полно отвечающей целесообразному характеру поведения.²⁰

---

¹⁹ У. Росс Эшби, Применение кибернетики в биологии и социологии; «Вопросы философии», 1958, № 12, стр. 115.

²⁰ Н. Drischel, Biologische Reglertheorie, «Zeitschrift für ärztliche Fortbildung», Jena, 1957, H. 14., S. 611.

В советской физиологической науке П. К. Анохиным развивается представление об «обратной афферентации». Он выдвигает идею заготовительного условного возбуждения афферентных клеток коркового представительства («акцептор» действия), выполняющего решающую функцию приспособительного характера действия животного. Взгляды П. К. Анохина (см. его Новые данные об особенностях афферентного аппарата условного рефлекса, Материалы совещания по психологии, М., 1957.) подверглись критике, как якобы телеологические (см. М. А. Алексеев, Некоторые замечания по поводу точки зре-

Кибернетика представляет собою науку, материалистическую по своему духу, обладающую ярко выраженной антитеологической направленностью. Однако ее бурные успехи при их одностороннем рассмотрении оставляют известную возможность для прямо противоположных, идеалистических построений. Допущение наличия у кибернетических машин сознания, мышления, получившее распространение среди литераторов в капиталистических странах, приводит к своеобразной «машинной телеологии», наделяющей сознательными целями созданную человеком технику. На самом же деле, как бы ни были совершенны, «умны» автоматы, они останутся всегда лишь органами человеческой мысли, проводниками его целей. Надо однако признать, что у современного «машинного анимизма» имеются серьезные гносеологические корни в виде одностороннего понимания подлинных фактов, достижений кибернетической науки и техники, связанного с односторонней же трактовкой относительности и абсолютности противоположности сознания и материи. Объективно к телеологии здесь ведут как дуалистическая, так и вульгарно-материалистическая тенденции в рассмотрении последнего вопроса. Психические процессы являются в определенном отношении процессами передачи, переработки и хранения информации. Если, признавая это, стоять на точке зрения безотносительности, абсолютности идеального, нематериального характера сознания человека (игнорируя указания Ленина об относительности противоположности материи и сознания вне узких рамок гносеологии), то логически последовательным будет утверждать, что информация — явление идеального порядка, а тем самым — наделять кибернетические машины духовными свойствами, сознанием. По сути дела к неизбежности такого вывода пришел в своей брошюре С. Ф. Анисимов. Он пишет, что вопрос об отношении информации к материи есть частный случай основного вопроса философии о соотношении материи и сознания.²¹ Другими словами: информация есть идеальное явление, существующее не только в голове человека, но и вне ее, в отношениях между вещами (напр., во взаимодействии между частями

ния П. К. Анохина на афферентный аппарат условного рефлекса, «Журнал высш. нервн. деятельности», т. VIII, вып. 3). По нашему мнению, критик допускает смешение причины происхождения целесообразных устройств и принципа механизма их действия, когда он обвиняет П. К. Анохина в отходе от дарвинизма (стр. 455). В действительности же попытка последнего ставит своей задачей не выяснение причин возникновения целесообразности, раскрываемых только теорией естественного отбора, но рассмотрение механизма осуществления целесообразных реакций. Другими словами, — ответить не на вопрос «почему?», а на вопрос «как?» Как известно, кибернетика выводит результаты непосредственно из наблюдаемого поведения системы, в зависимости от того, что и как делает система, а не того, почему она это делает (У Росс Э ш би, Введение в кибернетику, М., 1959, стр. 87).

²¹ С. Ф. А н и с и м о в, Человек и машина (философские проблемы кибернетики), М., Об-во по распространению полит. и научн. знаний РСФСР, 1959, стр. 47.

электронной машины) С. Ф. Анисимов опирается при этом на высказывание Н. Винера — «информация есть информация, а не материя и не энергия».²² Последнее, однако, направлено против грубо-механистического понимания и уточняется Эшби, как отрицание «вещности», субстанционального характера информации.²³ Если в этом видеть идеалистическое понимание информации, как это делает акад. Тодор Павлов,²⁴ то «идеализмом» придется объявить и такие, например, утверждения, как — «пространство есть пространство, а не вещество и не энергия.»

Момент вульгарно-материалистического подхода к сознанию проявляется в какой-то мере в книге инженера И. А. Полетаева «Сигнал». В итоге автор приходит к утверждению принципиальной возможности искусственного синтеза сознания в машине.²⁵ Подобное утверждение можно понять только как проявление страстного увлечения энтузиаста, специалиста в области кибернетики, протестующего против попыток догматиков преуменьшить возможности его науки и поставить предел ее развитию. Подобные попытки носят часто агностический характер, ибо исходят фактически из представления о принципиальной непознаваемости мысли человека. В свою очередь они связаны с анимистическими взглядами на сознание как на начало, якобы абсолютно противоположное материальным процессам и не могущее поэтому быть моделированным в технических установках. На Западе эти взгляды открыто выражаются церковниками, злобно нападающими на молодую науку: «кибернетика — это порождение развратного материализма, она лишает человека духа, которым одарил его бог».²⁶ В борьбе против такого рода анимизма надо иметь в виду грань, отделяющую критику его с позиций диалектического материализма от критики с позиций механистического материализма, перерастающего в вульгарный. И. А. Полетаев же иногда не видит этой грани. Признание принципиальной возможности познания и алгоритмизации всех процессов сознания отнюдь не равносильно допущению возможности искусственного сотворения самого сознания. Товарищи,

---

²² Н. Винер, Кибернетика или управление и связь в животном и машине, М., «Советское радио», 1958, стр. 166.

²³ У Росс Эшби, Введение в кибернетику, М., Изд.-во ин. лит., 1959, стр. 216.

²⁴ Т. Павлов, Теория на отражението и кибернетика, «Философска мисъл», 1959, № 3. Справедливо выступая против отрыва информации от материи, Т. Павлов смешивает иногда такой отрыв с научной абстракцией, с изучением информации в чистом виде, независимо от конкретных материальных процессов, являющихся ее носителями. Так, он обвиняет Винера в «лишении информации материи и энергии» (там же, стр. 31). Не с этим ли связана его борьба против применения кибернетики к генетике, когда он утверждает о качественном различии «механистическо-кибернетической» и «биологической» информации (там же, стр. 45).

²⁵ И. А. Полетаев, Сигнал, М., 1958, стр. 396.

²⁶ Цит. по Н. Кобринский, В. Пекелис, Быстрее мысли, М., 1959, стр. 386.

выступающие с утверждениями, сходными с указанной точкой зрения И. А. Полетаева, ссылаются иногда на слова Ф. Энгельса о том, что мы «доказываем правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим».²⁷ Но они в таком случае вырывают часть энгельсовской фразы из контекста. Стоящее у Энгельса дальше выражение «вызываем его из его условий» шире понятия «производим». Лаверрье сделал свои расчеты на основании коперниковской модели солнечной системы, но не произвел, конечно, солнца с планетами. Моделируют, но не продуцируют познаваемый объект — мышление, и кибернетики в создаваемых ими автоматах. Для искусственного создания, а не моделирования только, мышления потребовалось бы искусственное создание живого человеческого мозга — естественного следствия миллиарда лет органической эволюции и десятков тысяч лет общественного развития коллективов миллиардов людей. Приписывать кибернетической машине сознание означает отождествлять модель с отражаемым ею объектом, т. е. все равно, что, например, считать световым лучом колеблющуюся веревку, отражающую поперечный характер колебания световых волн.

Проделанный нами краткий анализ показывает, что отношение, которое обозначается в биологии, физиологии, кибернетике понятием «целесообразность», представляет собою определенную сторону сложной причинной связи, состоящую в подчинении ряда причин задаче порождения определенного следствия. С высшей формой этого отношения мы встречаемся в деятельности человека. В последней в цепь причинно-следственной связи в качестве определяющего звена включается идеальная цель — субъективный образ конечного результата.

2. ЦЕЛЬ КАК ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Материалистическое понимание истории, это величайшее открытие Маркса и Энгельса, показало определяющее значение труда, как процесса, создавшего человека с его сознанием. Способность человека ставить перед собою цели была поставлена в зависимость от его материальной, трудовой деятельности. Категория «цель» получила впервые до конца последовательное материалистическое объяснение. Тем самым был нанесен последний решающий удар по телеологическому мировоззрению также и в области объяснения явлений природы. Телеология не раз в истории науки и философии спекулировала на единстве человека и природы: если существование сознательных целей у человека бесспорно, человек же — часть природы, то не законно ли утверж-

---

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948, стр. 351.

дать о существовании целей и в остальной природе, в особенности же — в органической? Опираясь на материалистическое понимание истории, марксизм показал основу глубокого различия между целевыми действиями человека и целесообразностью природы, нимало не прерывая в то же время «нити, проходящей через всю органическую природу вплоть до человека».²⁸

Первое применение средств труда не могло означать еще возникновения человеческого производительного труда, характеризующегося в качестве необходимого момента наличием сознательной цели. Между человеческим трудом и «орудийной» деятельностью человекообразной обезьяны логично предположить существование ступени «инстинктивного труда» (которая предполагалась Марксом, насколько об этом позволяют судить некоторые его выражения в знаменитой V главе первого тома «Капитала»). Такое предположение с неизбежностью вытекает из положения марксистской философии о вторичности мышления человека по отношению к этой деятельности.²⁹ Для нас представляет сейчас особенное значение то, что существование ступени «инстинктивного труда» было существованием средства до цели, что подтверждает идею первичности средства по отношению к цели. Эта мысль относится к тем гениальным идеям, имеющимся в зародыше у Гегеля, одним из применений и развитий которых явился, по словам Ленина, исторический материализм.³⁰ В истории возникновения мышления человека путь к цели идет через средство.

Первые средства труда были естественными предметами природы, не подвергшимися предварительной обработке со стороны человека. Их применение в инстинктивно-трудовых актах было направлено на непосредственное овладение готовым объектом биологической потребности. Чувственный образ последнего в мозгу животного направлял его трудовые действия. Ближайшие предки гоминид обладали способностью наносить в ходе

²⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 433.

²⁹ Проблема инстинктивной формы труда у ближайших животных предков человека дискутируется в настоящее время в советской научной литературе, см. Б. Ф. Поршнев, Материализм и идеализм в вопросах становления человека, «Вопросы философии», 1955, № 5, его же — «К спорам о проблеме возникновения человеческого общества», «Вопросы истории», 1958, № 2; А. П. Окладников, П. И. Борисковский, О времени и условиях становления человеческого общества, «Вопросы истории», 1956, № 11; Я. Я. Рогинский, О некоторых общих вопросах теории антропогенеза, «Вопросы философии», 1957, № 2; О. Н. Бадер, Н. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. Н. Формозов, Некоторые вопросы возникновения человеческого общества, «Советская археология», 1957, № 1; Ю. И. Семенов, Возникновение и основные этапы развития труда, «Ученые записки» Красноярского Гос. пед. ин-та, т. VI, вып. 2, 1956, и др. Не останавливаясь более подробно на этом вопросе, заметим, что философское значение проблемы инстинктивной формы труда особенно обстоятельно и глубоко показано в исследовании Ю. И. Семенова. В настоящей работе мы используем ряд мыслей данного автора.

³⁰ В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 163.

этих действий точные удары палкой по другим предметам и целенаправленно бросать камни, чего не могут делать современные человекообразные обезьяны.³¹ Предмет труда здесь не преобразовывался, а только присваивался при помощи средства. Цель, как мысленный образ результата преобразующих воздействий средств, отсутствует. «Цель» развивается вначале, таким образом, лишь в ее функции, означающей предмет, «мишень», на которую «нацелено» движение орудия.

Огромное расширение сферы активного взаимодействия с окружающими предметами в процессе еще инстинктивного труда, развитие руки и головного мозга привели к превращению сперва случайных актов предварительной обработки средств в необходимость. С изготовления орудий начинается собственно человеческий труд. Изготовление даже наиболее примитивного первобытного орудия являлось производством нового предмета, творческим преобразованием вещей. Оно требовало возникновения новой формы отражения мира, способной обогнать движение действительности и течение внешней деятельности производителя на основе обобщения и абстракции. Первые проблески сознания означали рождение цели.

Рождение цели явилось глубочайшим качественным изменением, скачком в развитии природной целесообразности. Всеобщая каузальная связь явлений приобретает качественно новую форму, отличную от всех форм причинности в природе. Внутри причинности движения возникает новая закономерность — реальное целевое отношение. В диалектике природы следствие оказывает в той или иной форме обратное воздействие на породившую его причину. В диалектике сознательной деятельности человека образ еще не возникшего следствия становится в отношении непосредственной причины к порождающему это следствии процессу

Переход к этой новой закономерности охватил собою длительный период формирования и развития целеполагающей способности становящегося человека. Недифференцированные понятия, игравшие роль первых целей, еще очень далеки от цели окончательно сформировавшегося разумного человека. Орудия синантропа аморфны, не имеют еще устойчивых, повторяющихся, преднамеренно вырабатываемых форм. В то же время в их общей массе можно найти как бы прообраз подобных форм.³² Этот прообраз есть воплощение проблесков идеальной цели становящегося человека, еще столь же недифференцированной и аморфной, как и создававшиеся им орудия.

Формирующееся мышление непосредственно вплетено в тру-

---

³¹ К. Э. Ф а б р и, Обращение с предметами у низших обезьян и проблема зарождения трудовой деятельности, «Советская антропология», 1958, № 1, стр. 30.

³² В. И. Р а в д о н и к а с, История первобытного общества, Л., изд. ЛГУ, 1939, ч. 1, стр. 149.

довую деятельность, освобождающуюся от животногообразных инстинктивных форм. Оно не может намного опережать ход действий. Вероятнее всего, что цель представляет здесь вначале образ результата одного простого трудового акта, например, одного скола, удара, надавливания камня на обрабатываемую породу. Ряд целенаправленных операций не объединяется еще в одно целое отчетливо дифференцированной целью. Нахождение среди этих, относящихся к дошелльской эпохе, орудий предшественников шелльских ручных рубил в виде валунов с частичной обработкой их поверхности может быть объяснено тем, что эти рубилоподобные орудия — побочный продукт при изготовлении отщепов. Лишь впоследствии создание этого первоначально бессознательно получавшегося остатка стало само целью ряда планомерно организованных операций. Цель становится более сложной и более отдаленной от непосредственного осуществления, охватывая собою значительное количество действий.

Усложнение процесса изготовления орудий, возникновение первичного разделения труда все более отделяли конечный результат от непосредственных действий, развивая в человеке, в связи с общим прогрессом его мышления, способность ставить перед собой все более отчетливые цели. «Благодаря совместной деятельности руки, органов речи и мозга не только у каждого в отдельности, но также и в обществе, люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их.»³³ Развитие цели как естественной формы человеческого мышления выражалось и в том, что характер и результат трудовых действий становящегося человека все больше определялись целью и все меньше — предметом труда.

— Формы орудий дошелльской эпохи имеют случайный характер, всецело завися от случайных расколов камня при ударе. Форма ручного рубила является первой устойчивой формой орудия. Однако у шелльских рубил она еще в значительной степени определяется исходным характером валуна. В ашелльскую эпоху рубила подвергаются значительно более тонкой обработке и приобретают все более правильные и целесообразные очертания. К середине этого периода приемы двусторонней оббивки применяются уже в процессе подготовки не самого орудия, а ядрища или маточного куска камня, которое затем раскалывалось пополам («ножи Леваллуа»). Это знаменовало новую ступень в развитии цели. Освобождение труда человека от его инстинктивной формы означало овладение материалом, когда течение процесса труда и его результат всецело определяются целью.³⁴ Возникая и развиваясь в процессе труда как его необ-

³³ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 140.

³⁴ Новейшие находки так называемой «гейдельбергской техники» позволяют ставить вопрос о более раннем начале этого овладения. В этих орудиях выступают одни и те же типы, хотя и воплощенные в различные породы

ходимый момент, цель распространяется и на остальные сферы деятельности человека. Появляются цели, с производством непосредственно не связанные. Целеполагание и целенаправленность превращаются в необходимую черту всякой сознательной деятельности человека.

Мы располагаем крайне скудными данными для воспроизведения истории категорий как реальных форм, закономерностей мышления. История языка несет на себе известный, не вполне точный отпечаток некоторых этапов этого развития.

Цель вначале должна была носить весьма неотчетливый характер, будучи неотдифференцированной от представления о средстве, способе действия и объекте. Вполне правомерно предположить, как это делает В. В. Бунак, что первые слова человека (или недифференцированные еще звуковые комплексы), «объединяют в неразрывном комплексе обозначение акта поведения, его цель, средство, вероятно также применяемое орудие».³⁵ На ранних этапах развития понятие «цель» объединяется с понятием «действие», «завершение», «польза», «удобность» и, в связи с последним, «ловкость», «хитрость», «расчетливость», а через последнее связывается и с понятием «счет», «речь», «язык». Наряду с этим оно связывается также с понятиями «путь», «способ», «направление». В труде А. Вальде «Сравнительный словарь индогерманских языков»³⁶ слово «цель», нем. «Ziel», относится к общендоевропейскому корню «del» — «то, на что метяť». Отсюда же производится греч. «δόλος» — «хитрость», которому соответствует лат. «dolus», готское «gatils» — «пригодный, удобный», англосакс. «til» — «годный, добрый», нем. «Zahl» — «число», «erzählen» — «рассказывать», голланд. «taal» — «язык, речь». Сюда же можно отнести греч. «τέλος», означавшее первоначально «место поворота в беге», «окончание какого-нибудь дела», связанное с «τέλλω» — «производить, совершать», древнерусск. «дѣля» — «для», — связанное со словом «дело».³⁷ В прибалтийско-финских языках одним из выражений понятия «цель» служат производные от «suu» — «рот», означающего одновременно «направление». Эстонск. «suund» — «направление» в диалектах означает «цель», литературное «elusuund» — «цель жизни»; финск. «suunta» — «часть света», «направление», «цель», а так-

(напр., песчаник, кварцит, порфир, кремь). Подобное сходство форм у камней, которые в естественных условиях ведут себя под давлением совершенно различно в соответствии со своей структурой, может быть логично объяснено только при допущении целенаправленной деятельности человека.

R. Feustel, Die ältesten Werkzeuge des Menschen, «Urania», 1959, Н. 9., S. 323.

³⁵ Бунак, В. В., Происхождение речи по данным антропологии, «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. 16, М., 1951. стр. 274.

³⁶ A. Walde, Vergleichende Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, 1930, I В.

³⁷ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 262.

же «порядок», «положение», «мера»; карельск. «šũunda» — «цель».³⁸

Недифференцированность целевых отношений на первых этапах проявляется и в известном слиянии в сознании первобытного человека этих отношений с отношением причинности. В целом ряде языков в одних и тех же словах переплетаются причинные и целевые значения. Так, например, латинск. «propter», нем. «wegen», эст. «et», финск. «tähden», вепск. «täht», японск. «tawe», монг. «tula» могут выражать как каузальные, так и целевые отношения. Этап нерасчлененного понятия «цели—причины» объясняется, в конечном счете, практическим происхождением категории «причина», так как именно целевая деятельность человека обосновывает представление о причинности. Первые осознаваемые причинные связи — это связи между средством и соответствующим цели результатом в практическом действии.

Однако причинно-целевое, нерасчлененное рассмотрение не вырастает из «объяснения мотивов поступков» и тем самым не переносит на отношения вещей отношений мотивов и действий субъекта, как это утверждается в автореферате А. А. Кузьминой.³⁹ Надо иметь в виду, что в современном субъективном идеализме можно встретить попытки обосновать индетерминизм и телеологию также путем обращения к «практике» человека как основе понятия причины. При этом практика сводится к ее субъективной стороне — познавательным и волевым процессам.⁴⁰

Не субъективная, идеальная сторона практики, осознанная человеком значительно позднее, но ее материальная, определяющая сторона, включающееся в нее объективное движение и взаимодействие вещей, явились подлинной основой и источником возникновения категории «причинность» как формы мышления. Именно в этом смысле понимает практику В. И. Ленин в его известном положении о том, что она закрепляется в сознании фигурами логики. «Самые обычные логические фигуры суть школьно размазанные, самые обычные отношения вещей».⁴¹

Отчленение понятий «причина» и «цель» требовало различения человеком объективного и субъективного, выделения и осознания происходящих в нем психических процессов. Последнее происходит при образовании понятий «материя», «субстанция»

---

³⁸ Данные из области прибалтийско-финских языков получены устно от проф. П. Аристе.

³⁹ А. А. Кузьмина, Роль практики в процессе исторического образования понятия причинности, Автореферат, Л., 1958, стр. 14.

⁴⁰ См. R. B. Braithwaite, Scientific Explanation. A Study of the Function of Theory, Probability and Law in Science, Cambridge Univ. Press, 1953, p. 312; M. Rieser, Causation, action, and creation. «The Journal of Philosophy», V. XXXVII, 1940, N 18, p. 492—497.

⁴¹ В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 152.

и «сознание» в качестве категорий развитого мышления.⁴² Таким образом, можно полагать, указанное синкретическое понятие «цель—причина» древнее категорий «материальное» и «духовное, идеальное» в мышлении человека. Выработка же категории «цель» в ее современном виде предполагала возникновение понятий «материя» и «сознание» в их первоначальном виде. Язык надолго сохранил в себе следы этого былого неразличения объективного и субъективного. Слово «цель» имеет во многих языках значение как субъективного образа желаемого предмета, так и самого объективного предмета, к которому стремится человек. В этой связи любопытна история немецкого «Zweck» («цель», прежде всего в ее субъективном значении) «Zweck» в первичном значении этого слова — деревянный сапожный гвоздь, которым прибивались подошвы обуви простонародья. Позднее это слово означало также специальный гвоздь с широкой шляпкой, вбивавшийся в центр мишени для стрельбы из лука. Яков Бёме применил это слово для названия определенного явления в сознании, т. е. в его основном современном значении.⁴³ В эстонском языке «täht» имеет первоначальным значением «отметка», «знак», позднее — «буква». Это же слово в значении «звезда» стало употребляться в результате переноса смыслового значения «знака», «ориентира» на небесные светила. В эстонском языке это слово означало ранее также «цель» в ее субъективном значении. В финском языке производное от того же корня «tähden» означает «для», «ради», «потому что», в вепском «täht» соответствует «для», «из-за». Слово «koht», означающее в эстонском языке «место», в вепском имеет своим значением «цель» и «направление», в некоторых же диалектах карельского языка «koh-ta» — «цель», «направление».

В своем первичном синкретическом виде понятие—представление «причина—цель» является древнейшей из категорий человеческого мышления. Будучи превращенной формой отражения общих отношений действительности (причинность), категория «цель» развивалась с формированием и развитием остальных категорий, все более четко выделяясь из них и уточняясь (образование категории «причина», «возможность», «средство», «материя», «сознание», «ближайшая-» и «отдаленная-», «непосредственная-» и «конечная цель»). Переплетение ранних представлений о причинной связи с понятием «цель» не носило, как уже говорилось, идеалистического, телеологического характера. Лишь

---

⁴² См. W. W. Stoljarow, Über Rolle und Stellung d. philosoph. Kategorien, im Denken, «Deutsche Zeitschrift f. Philosophie», 1957, Н. 6.

Об отсутствии категории «субстанция» в смутной и нерасчлененной сфере мышления и жизненной ориентации первобытного человека см. А. Ф. Лосев, Античная мифология в ее историческом развитии, М., Гос. учебно-пед. издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1957, стр. 12.

⁴³ F. Mauthner, Wörterbuch d. Philosophie, IIB, München u. Leipzig, 1910, S. 643.

много позднее, на более высоких ступенях общественного и интеллектуального развития, оно могло быть использовано религиозно-идеалистическими воззрениями, включавшими в себя также и начало телеологического мировоззрения.

Несомненно, что в рамках доступного его опыту, его практической проверке, человек мыслил вполне детерминистически. Это подтверждается, в частности, также и данными детской психологии. Советские исследователи (Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, О. М. Концевая, Г. С. Костюк, А. А. Венгер) на экспериментальном материале опровергают теории буржуазных психологов о якобы «предпричинном» характере мышления ребенка. Доказано, что случаи, в которых младшие дети смешивают в сфере практического действия причину явления и цель действия, являются, во-первых, крайне редкими (порядка 1%) и, во-вторых, что подобное смешение не представляет собою единственного способа объяснения данных фактов ребенком. Понимание причин носит, правда, на первых порах весьма диффузный характер, однако оно связано с твердым убеждением или «чувством» того, что все окружающие явления вызваны определенными причинами.⁴⁴

По словам Маркса, целью является идеальный «внутренний образ» подлежащих созданию предметов,⁴⁵ в виде которого они «заранее намечаются»⁴⁶ человеком «в их еще субъективной форме»,⁴⁷ как мысленно представляемые.⁴⁸

Цель может быть идеальным выражением как уже существующих или имевших ранее место в действительности явлений, так и таких явлений, которые до этого в опыте человека еще никогда не существовали. Так, если я, например, строю лодку, создав перед этим ее мысленный образ на основе уже ранее разработанной конструкции, т. е. копирую в существенных моментах уже имеющиеся подобные лодки и практику их изготовления, то совершенно очевидно, что моя цель представляет собою довольно простое отражение действительности. Но это не было бы на первый взгляд столь очевидно в том случае, если бы я изобрел некоторую еще небывалую оригинальную конструкцию. Замечательные советские ученые и инженеры, восхитившие мир созданными ими искусственными спутниками Земли, не имели возможности копировать. Они творили совершенно новое, выводили науку и практику на принципиально новое поприще овладения космическим пространством. Может возникнуть вопрос, правомерно ли в подобном случае рассматривать цель как отражение действительности? Материалист может ответить на такой

---

⁴⁴ А. А. Венгер, Развитие понимания причинности у детей дошкольного возраста, Автореферат, М., 1958.

⁴⁵ К. Маркс, К критике политической экономии, 1949, стр. 203.

⁴⁶ К. Маркс, Капитал, т. I 1949, стр. 187.

⁴⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 203.

⁴⁸ Там же, стр. 204.

вопрос только утвердительно. Цели человека относятся к явлениям сознания. Сознание же есть отражение внешнего мира. Поэтому и цели не могут не представлять собою, прежде всего, отражения бытия. Но это требует для своего последовательного обоснования принятия диалектико-материалистического понимания отражательной деятельности сознания.

В процессе выработки целей с особенной яркостью проявляется активная природа сознания человека. Поэтому вопрос о цели как форме отражения действительности сводится по своему содержанию к более широкому вопросу соотношения отражательной природы сознания и его активной, творческой стороны.

Домарксовская философия не была в состоянии связать ведо-едино отражательную деятельность сознания с его творческой активностью. Метафизический материализм понимал отражение действительности сознанием как бездейственную созерцательность. Сознание человека пассивно, подобно зеркалу или восковой табличке, воспринимает воздействия внешних объектов, отражая их те или иные стороны. Поэтому представители метафизического материализма, справедливо сводя в своей борьбе против телеологии все действия человека к причинной зависимости от окружающих условий, не могли учесть всего глубокого качественного своеобразия целеполагающей деятельности человека внутри этой общей причинной зависимости. Понимание ими отражательной природы сознания, исключавшее активную деятельность последнего, не позволило им осуществить и развернутого исследования категории цели. Именно в отношении понятия цели особенно ясно проявляется глубокая справедливость ленинского замечания о том, что «старый материализм не умел научно исследовать идеи (при помощи исторического материализма)».⁴⁹

В противоположность домарксовскому материализму идеализм подчеркивал активную сторону сознания, но, понимая эту деятельность как якобы исключаящую отражение, он превращал сознание в независимого от бытия творца, демиурга действительности. При этом он усиленно использовал ограниченность понимания «отражения» в метафизическом материализме, как «рабского подчинения представления объективному»,⁵⁰ исключавшего возможность признания творческого, преобразующего воздействия сознания на объективный мир.

Отрыв и противопоставление активной деятельности человеческого сознания его отражательной природе являлись теоретико-познавательным выражением характерного для эксплуататорского общества разрыва между теорией и практикой, конечной основой которого служил и служит разрыв, антагонизм

---

⁴⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 232.

⁵⁰ Шеллинг, Система трансцендентального идеализма Л., 1936, стр. 21.

между умственным и физическим трудом в самом экономическом базисе старого общества.

Основным в революции, осуществленной Марксом и Энгельсом в материалистической теории познания, является то, что они дали последовательно материалистическое решение проблемы активности познания, вскрыв решающую гносеологическую роль практики.

Точно так же, как наши понятия и представления отражают реальные предметы, активная деятельность нашего мышления, творчески преобразующая представления и понятия, соответствует активной материальной деятельности человека, преобразующей предметы внешнего мира. Основные общие приемы, операции мышления возникли как непосредственное воспроизведение практических операций человека в процессе преобразования вещей. В ходе творческого воздействия общества на природу выработались, как отражение этого воздействия, и все остальные, характерные для психики человека, стороны и свойства. Сознание человека в своей деятельности опирается на весь колоссальный опыт, накопленный обществом. Активность познающего субъекта — человека, как совокупности общественных отношений, является проявлением потенций человеческого общества в сознании индивида.

Тем самым Маркс и Энгельс вырвали «активные силы» сознания человека, в том числе и его целеполагающую деятельность, цель, из сферы монополярной трактовки их идеализмом, сокрушив этим, между прочим, и последнюю опору телеологии. — Цель человека представляет собою сложное (в смысле процесса возникновения ее) синтетическое отражение действительности, бытия в двух отношениях.

Во-первых, так сказать во внутреннем плане, цель представляет собою опосредованное промежуточными психическими звеньями отражение некоторого конкретного противоречия человека с внешними условиями, возникающего в процессе его практики. Непосредственно же цель выступает с этой стороны как отражение отражения, отражая психические же отражения зависимости человека от окружающей его природной и общественной среды, основной, первичной формой которых служит потребность.

В мышлении человека потребность, будучи осознана, «понята» по своему значению для человека как в личном, так и в общественном плане, приводит в качестве мотива к выработке цели — своего мысленного отражения, т. е. образа предмета, который должен возникнуть в результате предстоящих действий и удовлетворить данную потребность.

Интеллектуальное и эмоциональное отражения потребности не представляют отдельных друг от друга процессов в психике человека. Это — единый процесс отражения внешнего мира и отношений к нему человека. Цель, ставящаяся человеком, всегда в той или иной мере эмоционально окрашена. Желания, стремле-

ния несут в себе более или менее ясно осознанную цель. Через желания цель, как форма прежде всего мыслительной деятельности, связывается с его эмоциями. Эмоции пронизывают цель, цель включается в эмоции. Поэты вправе говорить о «целях восхищения», «целях зависти и злобы».⁵¹ Цель представляет собою более или менее правильное или искаженное отражение реальных экономических и политических интересов, как стороны экономических и политических отношений. Она связана также всегда и с «интересом» в психологическом значении, представляющем выражение потребности в форме направленности личности человека, тяготения его познавательной деятельности к некоторому объекту, освоение которого в сознании переживается как удовлетворение, удовольствие.

Итак, во внутреннем плане цель выступает как мысленное отражение потребности в неразрывном единстве со стремлениями, интересами, эмоциями. Цель, рассматриваемую в этом аспекте, можно считать высшим развитием потребности, наиболее сложной и высокой формой ее существования. При этом марксизм исходит из определяющей роли мышления, которое контролирует эмоциональную сторону целеполагающей деятельности как собственно сознания, так и практики, направленной на осуществление поставленной цели. Господство мышления над страстями является важнейшей мерой духовного развития человека.

Цели, выражающие потребности человека, являются основными стимулами, определяющими деятельность личности в процессе ее развития. Однако не каждая цель действия человека отражает его собственную потребность и включает его личный интерес. В виде побуждения, мотива к постановке цели может выступать и внешнее принуждение, как материальное, так и моральное. В связи с этим возможны и цели, неинтересные для человека, противоречащие его потребностям. В таком случае возникают более или менее глубокие противоречия, более или менее острые конфликты в сознании, во внутреннем мире человека. Последние характерны для общества, построенного на частной собственности и эксплуатации, достигая своего высшего обострения в капиталистическом обществе. Частная собственность в виде принудительного закона предопределяет место отдельной личности в системе разделения труда, обрекая ее на односторонность, подавляя ее природные способности и потребности. Марксистский анализ такого рода противоречий между собственными волевыми побуждениями и целями проводит А. Грамши. Он рассматривает эти противоречия как отражение социальных антагонизмов, в тиски которых зажата личность, не способная разобраться в этих противоречиях и тем самым их преодолеть, «дабы обрести таким образом ясность духа и внут-

⁵¹ Goethe, Die natürliche Tochter, 2. Aufzug, 5. Auftritt.

реннее спокойствие».⁵² Передовая личность может преодолеть эти противоречия и в условиях капиталистического общества, став на позиции марксизма и сделав интересы и цели рабочего класса своими собственными интересами и целями.⁵³ В социалистическом обществе, не знаящем внутренних социальных антагонизмов, гармонически сочетающем основные интересы личности с интересами коллектива, такого рода конфликты в сознании человека утрачивают характер общей необходимой закономерности. Они сохраняются как выражение «индивидуального антагонизма»⁵⁴ в сфере личной жизни, личных отношений. При социализме, в условиях еще не преодоленного порабощающего человека разделения труда, неравенства в обеспеченности и существующих еще материальных затруднений, имеют место известные противоречия между потребностями личности и целями, сознательно подчиняемыми общественному долгу. Такого рода противоречия имеют и определенные гносеологические корни. Человек осознает свою подлинную потребность, свои действительные интересы с различной степенью полноты и точности. Поэтому противоречия между целью и потребностью могут возникать и в силу искаженного отражения личностью своих потребностей, неправильного понимания своих собственных реальных интересов. Из сказанного вытекает, насколько велика в этом отношении роль коммунистического воспитания, в особенности — выработки научного мировоззрения. Марксистская философия, ставшая в качестве мировоззрения внутренним убеждением, является решающим средством правильной постановки целей, гармонического согласования, слияния личных потребностей и целей с целями социалистического общества в целом.

Рассмотренная сторона отношений цели к объективному миру является не только зависимостью отражения от отражаемого, но и зависимостью следствия от причины. Здесь мы имеем дело с порождением, детерминацией целей внешним миром. Эта причинная зависимость опосредована, как мы видели, промежуточными психическими звеньями, личным и общественным опытом. Характер цели как следствия в огромной степени зависит от внутренних условий его сознания, через которые преломляется действие внешней причины. Накопленный нервной системой огромный опыт определяет такое множество возможных вариантов цели как ответа на внешнее воздействие, что создается иллюзия независимости, полной свободы целей человека от внешнего мира. Последнее — гносеологический источник волюнтаристских взглядов на возникновение цели. «На деле цели человека порождены объективным миром. Но кажется человеку,

---

⁵² А. Грамши, Избранные произведения, М., Изд. ин. лит., т. 2, 1957, стр. 200.

⁵³ Там же, стр. 208.

⁵⁴ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 8.

что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)⁵⁵».

Второй аспект зависимости цели от внешнего мира заключается в том, что цель представляет собою отражение объективно существующих возможностей реального мира. Поэтому историческое развитие понимания категории цели в философии вполне правомерно связывало эту категорию с категорией возможности (Аристотель) уже на первых своих этапах. Отражая объективные законы, причины, условия, связывая и противопоставляя их отражения, сознание отражает возможный результат их взаимодействия. Этот результат должен возникнуть в ходе превращения возможности в действительность действием человека. В этом смысле совершенно правильно говорить о целях, как «отражении в мозгу связей объективного мира», «в первую очередь, процесса собственной практики».⁵⁶

Реальность телеологического отношения, возникающего внутри причинной зависимости действия человека от внешнего побудителя, определяется именно вторым аспектом отражательной природы цели. Создавая в цели образ будущего, мы, по удачному выражению С. Л. Рубинштейна, «вводим будущее в детерминацию нашего поведения». Но С. Л. Рубинштейн допускает, на наш взгляд, неточность, когда он там же ставит «детерминацию будущим» в один ряд с детерминацией прошлым и настоящим: «Посредством психического в форме знания о бытии, о мире поведение людей детерминируется не только наличным, но и сейчас отсутствующим — не только ближайшим окружением, но и событиями, совершающимися в самых удаленных от нас уголках мира, не только настоящим и прошлым, но и будущим.»⁵⁷ Во-первых, идеальный образ будущего в голове человека не есть еще само будущее. Во-вторых, будущее и в этой идеальной форме своего существования не может быть поставлено как причина поведения рядом с отражениями прошлого и настоящего. Образ будущего создается на основе отражений настоящего (и прошлого), вторичен по отношению к ним. Подчеркивание этого — грань, отделяющая диалектико-материалистическую гносеологию от телеологии идеализма, одной из основных черт которой именно и является принятие будущего в качестве причины настоящего. Марксизм исходил именно из такого материалистического понимания места «будущего» в научно выработанных целях борьбы рабочего класса за социализм. «Всякий знает, — говорил В. И. Ленин, — что никаких собственно перспектив будущего никогда научный социализм не рисовал: он ограничивался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, из-

⁵⁵ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 162—163.

⁵⁶ В. И. Селиванов, *К вопросу о так называемом произвольном поведении*, Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии, М. 1952, стр. 402.

⁵⁷ С. Л. Рубинштейн, *Бытие и сознание*, М., 1957, стр. 243.

учал тенденции развития капиталистической общественной организации — и только», « прослеживая только те, теперь уже имеющиеся налицо, элементы, из которых вырастает будущий строй.»⁵⁸ Образцом марксистско-ленинского подхода к постановке цели служит выработанная XXI съездом партии программа развернутого строительства коммунистического общества. Положения доклада Н. С. Хрущева относительно путей перехода ко второй фазе коммунизма не содержат ни грана утопизма в определении условий и путей перехода к коммунизму. Они представляют собой теоретические выводы на основе глубокого обобщения фактов современного развития социалистического общества. Подчеркивание товарищем Н. С. Хрущевым того, что переход от социализма к коммунизму есть закономерный процесс, обязывает ставить конкретные задачи коммунистического строительства на основе тщательного изучения происходящих в настоящее время в нашем обществе процессов.

Проведение различия между двумя рассмотренными аспектами зависимости целей от внешнего мира не раз служило гносеологической основой всесторонней политической оценки В. И. Лениным целей и планов различных политических течений. В. И. Ленин указывал, что их надо рассматривать не только с точки зрения правильности отражения ими объективных законов развития, но и с точки зрения тех причин, которые их вызвали к жизни, тех потребностей и стремлений, которые они выражают. «Недостаточно критиковать эти идеи с точки зрения их внутренней цельности, стройности или теоретической их правильности. Необходимо критиковать их с точки зрения той хозяйственной необходимости, которая получила в этих идеях свое отражение, как бы «капризно», неправильно, «криво» ни было иногда это отражение.»⁵⁹ Он ссылается при этом на мысль Энгельса о том, что «ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле». «Ложный, — говорил В. И. Ленин, — в формально-экономическом смысле; ложный, в качестве социалистической утопии, этот демократизм есть истина той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы.»⁶⁰

В реальных целях человека указанные две линии зависимости их от объективного мира переплетаются между собою, сливаются, выступая как неразрывное единство. Но в этом единстве осознается момент различия между этими двумя сторонами. В какой-то мере это различие находит свое отражение и в некоторых языках. Так, например, в немецком языке «*der Zweck*» выражает, в первую очередь, цель действия в значении надобности, потребности

⁵⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 167—168.

⁵⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 129.

⁶⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 329.

в данном предмете, «das Ziel» же скорее соответствует второй, рассмотренной нами, стороне цели.⁶¹ В английском языке, весьма богатым различными словами, выражающими понятие цели в разных аспектах и оттенках, этим двум сторонам примерно соответствуют «purpose» и «goal». В эстонском языке «otstarve» означает цель в значении надобности, выражает ее связь с потребностью (буквально: «ots» — «конец», «tarve» — «потребность»), «eesmärk» и «siht» соответствуют скорее другому аспекту понятия, причём последнее из них подчеркивает содержащийся в цели момент направления реализующего ее действия.

В психическом процессе осознания и переживания на первый план может выдвигаться то одна, то другая ее сторона. В том случае, когда на первый план выдвигается цель как потребность, вторая сторона и ее осуществление рассматриваются как средство по отношению к первой. Так, мысленный образ лодки, как цель моей деятельности, направляющий мои действия, и реализация его могут рассматриваться мною как средство удовлетворения моей потребности ловить рыбу, которая и вызвала непосредственно у меня цель построить лодку. Из рассмотренных двух сторон зависимости цели первая сторона представляет собою относительно устойчивую сторону по отношению ко второй. На это правильно указывает буржуазный психолог Д. Сивертсен в своей работе «Постановка цели, уровень стремления и социальные нормы.»⁶² Но эта сторона, выступающая, по Сивертсену, как личная норма, как «целевой стандарт», не рассматривается им в ее зависимости от внешнего мира, вторая же сводится к «ожиданию», чисто субъективному чувству «шансов», соответствующему, примерно, нашему народному «чувствует мое сердце».

Понимание целей как отражения позволяет рассматривать их с точки зрения правильности этого отражения, степени соответствия или несоответствия их отражаемой действительности, т. е. с точки зрения их истинности или ложности. В гносеологическом смысле истинными или неистинными цели могут быть лишь во втором рассмотренном отношении, как непосредственные отражения связей объективного мира и материальной деятельности человека. В обиходе же мы понятие истинности применяем к цели обычно в ее первом отношении к действительности. В этом слу-

---

⁶¹ «С представлением цели (des Zieles) может быть связано представление цели-надобности (des Zweckes) в более узком смысле слова, которое не обязательно должно покрываться первым представлением. Целью моего действия, если я беру стакан воды, чтобы пить, является взять стакан и пить (das Ziel); целью-надобностью (der Zweck), которую я хочу этим достигнуть, служит утоление жажды.» — E. Meumann, *Intelligenz u. Wille*, Leipzig, 1913, S. 214.

Выражение «der Zweck» противопоставляется в немецком психологической литературе понятию «средства», «das Ziel» — понятию «пути» к желаемой цели. (A. Höfler, *Psychologie*, Wien u. Prag, 1897, S. 504.)

⁶² D. Sivertsen, *Goalsetting, the level of aspiration and social norms*, «Nordisk Psychologi», 1957, N 1, København.

чае указываем на ее реальное существование, на выражение в ней потребности, на то, что у данного лица подлинной, истинной целью было сделать то то и то то, а не то, скажем, о чем он говорил. Истинность целей в гносеологическом смысле обосновывается вначале теоретически, но свое окончательное подтверждение получает только в практике, в итоге их осуществления. Поэтому истинные цели — это рано или поздно осуществляемые цели. В связи с этим отметим двоякое употребление понятия «целесообразный» по отношению к действиям человека. В широком смысле целесообразными являются все действия, соответствующие данной цели. Во втором же, более узком смысле, целесообразной является деятельность, соответствующая правильно поставленным, истинным целям, тогда как деятельность по реализации неистинных целей не может считаться целесообразной. Понятие же «целеустремленности» выражает только направленность действий на определенную цель, безотносительно к качеству самой цели, ее истинности или ложности.

Если каждая цель всегда полностью детерминирована порождающими ее внешними условиями, то во втором аспекте человек «волен» как учитывать, так и не учитывать объективные условия. Когда цель вырабатывается без учета объективных законов и условий, она оказывается неистинной и неисполнимой. «Неисполнение целей (человеческой деятельности) имеет своей причиной то, что реальность принимается за несуществующее — что не признается ее (реальности) объективная действительность.»⁶³ Ставя перед собою такого рода цели, субъект исходит лишь из своих желаний, не считаясь с реальным ходом вещей. Первое отношение зависимости цели от объективных условий порождает у реакционных классов отрыв целей от объективного мира во втором отношении, вызывая цели, противоречащие законам развития, несоответствующие не только реальным, но и абстрактным возможностям. Подобные цели недостижимы по самому своему существу.⁶⁴

Бесконечно сложная действительность не может не порождать различных, часто противоречащих друг другу, целей. Последние отличаются друг от друга как цели тех или иных областей деятельности, а также как далекие, близкие и ближайšie непосредственные, конечные и промежуточные, общие и частичные, существенные и несущественные. Отношения между ними отражают отношения общих сторон действительности и практической деятельности, подчиняясь соответствующим закономерностям отношения общего и отдельного, части и целого, сущности и явления, случайности и необходимости. Абсолютизация ревизионизмом ближайших целей, фактический отказ от конечной цели представляется проявлением буржуазной идеологии в двух

⁶³ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 189.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Избранные произведения*, М., 1948, т. II, стр. 371.

отношениях. Во-первых, оно означает принятие ревизионистами лишь целей, приемлемых для буржуазии. Во-вторых, оно соответствует самой структуре, форме буржуазной общественной психологии и идеологии. Пренебрежение к конечной цели типично для общественного сознания буржуазии, отражая особенности капиталистического способа производства. Тем в большей мере отрицание конечной цели отвечает положению и духу современной империалистической буржуазии. Империализм — отрицание цели будущего, потому что у него нет этого будущего. Выражая идеологию империализма, ревизионизм объективно пытается погасить в рабочем классе стремление к его цели. Его задача — вселить психологию скептицизма, трусливого отказа от борьбы за идеал. Коммунистическая партия, творчески развивая марксистско-ленинское учение, ведя решительную борьбу против всех проявлений догматизма, в то же время непоколебимо тверда в своих конечных целях. Это не значит, что последние остаются неподвижными. Их движение, развитие состоит в их конкретизации. Конечная цель рабочего класса и всей лучшей части человечества — коммунизм — вырастает и развивается на основе утвердившегося социализма. XXI съезд партии поставил конечную цель в качестве непосредственной практической цели, превращение которой в действительность осуществляется в творческом труде советского народа.

В способности человека сочетать правильное понимание своих потребностей с точным и глубоким пониманием и учетом объективных законов, возможностей, средств при постановке целей, в основанной на этом способности его противопоставить свое разумное поведение непосредственно воздействующей на него ситуации, заключается свобода воли. «Свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела.»⁶⁵ Последняя не представляет собою нарушения всеобщего закона причинности, но состоит в исключительной сложности сцепления прямых и опосредованных причинных зависимостей сознания человека от окружающей природы и исторического развития общества, что образует это новое качество детерминации. Существенным моментом свободное принятие решения включает в себя понимание общественной значимости ставящейся цели. Поэтому свобода воли, свободно избранная цель являются категориями не только собственно теории познания, но и отпавными понятиями в этике и теории права.

Указанные сцепления, столкновения причинных зависимостей сознания в процессе становления цели, в субъективном плане выступают как борьба мотивов, поскольку эти причины осознаются. В наши задачи не может входить подробное рассмотрение борьбы мотивов, являющейся предметом собственно психо-

---

⁶⁵ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 107.

логического исследования.⁶⁶ Борьбу мотивов, как общую психологическую закономерность, следует отличать от упоминавшихся выше противоречий между целью и потребностью, между различными целями, как частного проявления этой закономерности. В советской психологической литературе имеют место отдельные попытки преуменьшить значение борьбы мотивов в сознании человека или приписать ей безусловно отрицательную роль. Так, Т. А. Агафонов противопоставляет борьбе мотивов, как явлению, по его мнению, отрицательному, представляющему будто бы момент безволия, взвешивание, обсуждение мотивов, как отличный от первого положительный процесс.⁶⁷ С этим едва ли можно согласиться, так как, во-первых, в ходе борьбы мотивов человек отнюдь не обязательно должен являться безвольным, наоборот, прочим мотивам он может противопоставить сознательный мотив, обладающий наибольшей личной и социальной значимостью, подавив им противоречащие побуждения. В этом проявляются и сила воли и решительность. Во-вторых, взвешивание мотивов включается в их борьбу. Человек, обсуждающий мотивы, не внешний наблюдатель, а мотивы — не процессы природы вне его, но психические отражения его отношений к внешнему миру, охватывающие как эмоциональную, так и интеллектуальную стороны его сознания. Предпочтение, сознательно отдаваемое нами одному мотиву перед другим, а не механическое перевешивание более сильного мотива, составляет суть борьбы мотивов разумно, а не импульсивно действующего человека. И чем богаче и сложнее духовная жизнь личности, тем сложнее сам процесс борьбы мотивов, все больше принимающий форму глубокого обсуждения их.

В процессе выработки цели происходит ее конкретизация. Движение мысли в ходе создания цели идет по пути от абстрактного к конкретному. Конкретный характер цели соответствует характеру практики, сочетающей в себе использование общих законов с неповторимой индивидуальностью материального процесса взаимодействия человека с конкретной действительностью, и обладающей в связи с этим не только «достоинством всеобщности, но и непосредственной действительности».⁶⁸ Ставя перед рабочим классом и народом цели, марксистско-ленинские партии стремятся их максимально конкретизировать.

Активность сознания, проявляющаяся в целях человека, состоит не только, и не в первую очередь, в творческом процессе их выработки и постановки. В еще большей мере эта активность выражается в практической направленности цели. Цель человека представляет собою переход от сознания к действию. Она играет

⁶⁶ О борьбе мотивов см. Психология, учебник для пед. ин-тов, М., 1956, стр. 356—358.

⁶⁷ Т. И. Агафонов, О волевых проявлениях личности в затрудненных условиях, «Вопросы психологии», 1956, № 5.

⁶⁸ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 185.

роль мостика, связывающего непосредственно теоретическую и практическую деятельность. Цель — своего рода узел, которым связаны мысль и действие. Цель выступает в качестве ближайшего непосредственного сознательного мотива перед началом действия и в качестве идеального, направляющего и регулирующего начала в самом действии. Цель играет роль стимула, побудителя к движению потому, что она всегда скрывает в себе противоречие. «Мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его.»⁶⁹ Это противоречие между человеком и внешним миром, многократно отразившись и преломившись в его сознании, создает движущую притягательную силу цели, направление же зависит от всей гигантской проделанной сознанием работы.

Практика — качественно своеобразная форма объективного движения материи, противостоящая в качестве социального процесса всем остальным его формам, как движению природы.⁷⁰ Это — высшая форма объективных процессов, отличающаяся от других форм тем, что она — «целесообразная деятельность» (В. И. Ленин), т. е. целенаправленная и планомерная. Содержанием ее служит разрешение противоречия между целями и объективным миром, в ходе которого действительность уподобляется цели человека. Цель тем самым получает объективное существование в виде результата практической деятельности, как отрицания цели в итоге ее собственного движения, и перестает быть целью. «Односторонность» субъективного уничтожается путем превращения его в объективное, «односторонность» объективного — путем уподобления субъективному.

В практике происходит превращение идеального в материальное, материализация теоретического познания. Поскольку практика есть процесс этого превращения, то в ней необходимо присутствие идеальной стороны — цели.

Цель — непосредственный мотив осознанных действий человека. Если под мотивом понимать то, что, отражаясь в голове человека, побуждает его деятельность, направляя ее на удовлетворение потребности,⁷¹ то мы вправе считать цель именно тем мотивом, в котором находят свое конкретное выражение другие мотивы и который выступает как непосредственная и ближайшая причина практического действия. Практика же есть процесс целенаправленного изменения объективного мира, «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности.»⁷² Цель оказывается в определенном смысле причиной изменения материальной действительности. В активном воздействии цели человека на внешний мир проявляется с особенной силой черта диалектики причинной связи — обратное воздействие следствия

⁶⁹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 185.

⁷⁰ Там же, стр. 162.

⁷¹ Психология, *Учебник для пед. ин-тов*, М., 1956, стр. 356.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 3, стр. 2.

на породившую его причину. «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его.»⁷³ Цель, это следствие воздействий объективного мира и его отражение, преобразует, творит мир.

Цель, как ближайшая причина практической деятельности, ни в коем случае не выступает в роли механического внешнего толчка по отношению к последней. Диалектический характер причинного отношения проявляется здесь, в частности, в том, что причина (цель) пронизывает собою весь процесс следствия (деятельность), вплетается в него, играет роль его содержания. На всем протяжении практической деятельности цель сохраняется, определяя устойчивую связь, соотношение между отдельными актами действий человека. В этом смысле Маркс говорит, что цель действует как внутренний закон действия человека, определяющий их способ и характер, которому человек подчиняет свою волю.⁷⁴ Цель тем самым определяет направление деятельности.

Цель — ближайшая причина, содержание и регулирующее начало процесса практики. В конце потока человеческой деятельности она осаждается в виде новых форм объективных предметов — осуществленной цели. В последней, этом как бы кристалле практики и познания, изглаживается путь осуществления, угасают противоречия, борьба процесса реализации. Степень соответствия результата субъективной цели — показатель истинности, объективности познания, выражение господства человека над миром вещей.

В завершающейся практической деятельности (процесс труда) Маркс различает следующие пять определяющих ее моментов: цель, характер операций, предмет, средства и результат.⁷⁵ Осуществляющийся же и еще незавершенный процесс определяется тремя простыми общими моментами: собственно самой целесобразной деятельностью, включающей в себя как цель на ступени ее осуществления, так и соответствующий ей характер операций, предметом и средством.⁷⁶

В качестве средства выступают определенные явления природы или общественной жизни в их противопоставлении, соотношении с определенными целями и объектами воздействия — предметом. В этом отношении они играют роль непосредственных причин, приводящих, как к своему следствию, к изменению предмета и возникновению явлений, соответствующих цели. Отношение между целью, средствами и предметом является частным случаем причинного отношения, несущего в себе момент обратной циклической зависимости. Цель, побуждающая и направляющая деятельность человека, служит причиной опреде-

⁷³ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 184.

⁷⁴ К. Маркс, *Капитал*, т. 1, стр. 185.

⁷⁵ Там же, стр. 48.

⁷⁶ Там же, стр. 185.

ленного движения средства. Средство же становится причиной следствия, предвиденного в цели и соответствующего ей. Следствие применения средства, результат, есть объективация цели, которая в своем субъективном существовании явилась причиной движения данного средства. Создается основа для иллюзии, что «цель через средство соединяется с объективностью и в последней с самой собою.»⁷⁷ Обратное воздействие следствия на причину, выступающее с такой отчетливостью в целенаправленной деятельности человека, является особенным проявлением соответствующей общей черты диалектики причины и следствия. Поэтому-то в истории философии и науки и получилось, что там, где не зная диалектики причинного отношения мысль сталкивалась с фактами обратной зависимости, она стремилась наделять природу конечными причинами, целями. Необходимым условием такого заключения было всегда отсутствие материалистического, причинного объяснения целевой деятельности человека, возможного только на основе исторического материализма.

В процессе выработки цели в сознании человека уже имеет место предварительное взаимодействие цели с представлением данного средства. Цели человека строятся, конкретизируются в значительной степени как результат учета имеющихся средств, средства, в свою очередь, подбираются в соответствии с выдвигающейся человеком целью.

Постановка цели включает в себя в какой-то мере элемент планирования, предвидения пути выполнения действий. Во многих случаях осознание цели включает в себя и одновременное осознание всего способа ее осуществления. Это имеет место в тех случаях, когда цель ставилась уже раньше и простое действие, необходимое для ее реализации, хорошо знакомо. В более сложных формах деятельности эта сторона цели получает значительное развитие, выделяясь в особую систему понятий и представлений — план.

Если цель — отражение предмета, существующего в виде возможности, то план представляет собою мысленное отражение превращения этой возможности в действительность практическими действиями человека. Он является мысленным предвосхищением характера и способов той деятельности, которую необходимо осуществить для реализации цели, отражающей эту возможность. Планирование — мысленный ответ на вопрос о том, как достичь намеченной цели. В плане устанавливается строгая последовательность этапов реализации цели, определяются средства и методы их использования, намечаются темпы и сроки действий и их исполнения. Маркс указывает на особенную необходимость отражения в плане времени, сроков действий

---

⁷⁷ Гегель, Наука логики, цит. по В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 163.

даже при планировании духовной деятельности. «В противном случае, — иронически замечает он, — я рискую по меньшей мере тем, что мой, в идее существующий предмет никогда не превратится в предмет действительности.»⁷⁸ Вся предстоящая деятельность предстает в плане как четко координированная система действий.

Содержанием, своего рода законом, определяющим план, и служит цель, задаче достижения которой данный план посвящен.⁷⁹ Между тем план имеет известную относительную самостоятельность.

Выражая конкретные способы реализации цели как своей сущности, план представляет собою подвижный момент в едином целом цели — плана. Он видоизменяется, уточняется при сохранении целей неизменными.⁸⁰ Могут существовать различные планы достижения одной цели, отвечающие различным возможным способам последнего, различным реальным возможностям. Задачей познания является выбрать из имеющихся вариантов наиболее адекватный цели в данных условиях, наиболее выгодный путь ее осуществления. Это зависит от глубины и точности отражения объективных законов, конкретных условий, оценки имеющихся средств.

План — категория, значение которой непрерывно возрастает в связи с историческим процессом развития и усложнения человеческой деятельности. В социалистическом обществе единым планом охватывается впервые в истории развитие самого общества, в первую очередь, его экономика, а также и другие сферы общественной жизни.

Выработка правильных планов осуществления целей вклю-

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 54.

⁷⁹ «Важнейшим и центральным, определяющим моментом плана является цель, стоящая перед людьми. План исходит из той основной цели, которую необходимо достичь. Цель — начало плана и вместе с тем его конечный пункт, ради которого план составляется, а затем осуществляется. План включает в себя цель и определяемые ею направления, способы, этапы и темпы деятельности, а также те средства, которые необходимо применить для реализации цели. Цель охватывает все стороны и разделы плана, пронизывает все его содержание. Она — животворный мотив плана и руководящая идея в планомерной деятельности.» Г. А. Федоров, Материалистическая диалектика о категории цели, «Вопросы философии», 1956, № 1, стр. 65.

⁸⁰ Согласно наблюдениям, проводившимся над работой ткачих московской фабрики «Освобожденный труд», наиболее эффективным приемом планирования трудовой деятельности является предварительное определение последовательности основных операций, точное распределение которых является необходимым условием работы по плану. В отношении остальных операций в планировании лучшей работницы намечались как возможная последовательность их выполнения, так и наиболее благоприятные варианты изменений этой последовательности. Построение деятельности в соответствии с заранее разработанным планом, предусматривающим возможные изменения в выполнении действий, создает условия для творческого решения возникающих в труде задач: См. Л. Л. Кондратьева, Психологический анализ процесса планирования своей трудовой деятельности у ткачих, Автореферат, Москва, 1956.

чается наряду со способностью ставить истинные цели в марксистское понимание свободы воли. Решение, принятое со знанием дела, есть лишь предпосылка подлинной свободы.

Свобода — объективное состояние активно и сознательно действующего человека, отношение его к потребностям объективного мира, заключающееся в основанном на познании их господстве над ними, подчинении объективных процессов правильно поставленным целям. Свобода включает в себя, таким образом, в качестве своего существенного момента соответствие между поставленными целями и достигнутыми результатами. Она предполагает завершение процесса осуществления цели, соответствующую третьей ступени движения последней — ступени осуществленной, объективированной цели.

Но если свобода человека возникает всегда в результате осуществления поставленных им целей, то не всякое осуществление цели делает его свободным. Свободным не является человек, достигающий цели, которая была им принята не в результате его собственного продуманного решения, не как продукт его свободного волеизъявления, а была ему навязана внешним принуждением.

Но и в случае отсутствия внешнего принуждения успешное осуществление цели не всегда еще означает свободу. Свобода есть отношение действующего человека к реальному развивающемуся миру, порождающему у него все новые потребности и цели. Поэтому она, выступая как определенное качественное состояние практики, представляет длящийся процесс, а не единственный акт. Соответствуя ступени осуществленной цели, свобода подразумевает и борьбу за реализацию последующих целей, соответствующих объективным законам действительности, а также выработку целей более далеких будущих действий. Таким образом, свобода охватывает движение цели на всех ее ступенях, требуя непрекращающейся теоретической и, прежде всего, практической деятельности.

Внутренняя связь цели и свободы состоит как в отношении субъективной цели к ее осуществлению, так и в подчинении цели физических и психических процессов самого действующего человека. Сознательная цель «как закон определяет способ и характер действий, которому подчиняется воля в течение всего планового процесса.»⁸¹ Господство человека над внешним миром подразумевает его господство над самим собою, подчинение действий, желаний, чувств, мыслей борьбе за поставленную конечную цель.

Таким образом, «цель» выступает как специфическая категория гносеологии, выражающая отношение, не существующее вне сознательной деятельности человека. Она неотделима от категорий «практика» и «свобода», в качестве существенного момента

---

⁸¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 185.

включаясь в субъективную сторону последних. В то же время цель представляет звено в качественно своеобразной причинной связи сознательного поступка. Тем самым вопрос этой категории включается в общую проблему детерминизма. Его решение зависит от решения этой проблемы, от понимания охватываемых ею других категорий. Задачей гносеологического исследования является также рассмотрение применения понятия «цель» в качестве особого приема познания в некоторых науках. Не являясь в этой своей функции всеобщей необходимой формой познания, она не носит характера философской категории, но в своем отношении к объективной действительности этот прием изучается марксистской философией.

3. ЦЕЛЬ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ПРИЕМ ПОЗНАНИЯ

В этом своем значении «цель» неразрывно связана с понятием объективной целесообразности, кратко рассмотренным нами выше. При всем принципиальном отличии от этого вида целесообразности целесообразность сознательной деятельности человека не отделена от него непреходимой гранью. Известное совпадение между этими различными видами целесообразности отнюдь не случайно. Применение понятия «целесообразность» к природе имеет объективную основу в виде общих для всех форм целесообразности моментов. Что в отношении целесообразности явлений живой природы (и некоторых стихийных процессов в общественной жизни) служит общим итогом, достижению которого подчинены эти явления, то в сознательных действиях человека первоначально выступает в виде идеальной цели. Целесообразность во всех этих случаях есть отношение явлений к этому результату, способность явлений порождать его или способствовать его возникновению. По аналогии с результатами сознательных действий человека такой итог биологических, а также иногда и стихийных социальных процессов в его отношении к ним условно обозначается также термином «цель». Употребление понятия «цель» в этом смысле вытекает, таким образом, из применения понятия «целесообразность». Само слово «целесообразность», — писал И. Дицген, — «содержит в себе свое толкование: цель есть мера целесообразного. Лишь на основе данной цели можно определить то, что целесообразно.»⁸² В кибернетике, рассматривающей целесообразность в ее общем виде, «целью» обозначается устойчивое состояние системы, сохранение которого обеспечивается устройством, включающим в себя обратную связь. «Целевой» анализ таких систем означает выяснение содержания регуляций, условия, сопровождающего устойчивое состояние системы и определяющего способ ее действия. Вопрос о «цели» является здесь, следовательно, вопросом

⁸² И. Дицген, Избранные сочинения, М.—Л., Гос. соц. — эк. издат., 1931, т. 1, стр. 68.

о том, «как» осуществляется регуляция, но не вопросом «почему». Поэтому подобный «целевой» подход не в состоянии заменить собою исследования причин возникновения и действия регулирующей системы.

«Цель» может служить условным обозначением итога процесса не только в случаях обратной зависимости явлений от их конечного результата в отношениях объективной целесообразности. В условном смысле она применима и там, где такой зависимости нет, но где мы имеем дело с поступательным процессом развития. Здесь высшая, завершающая ступень процесса принимает при ретроспективном рассмотрении как бы вид цели, на достижение которой направлен весь процесс. При таком употреблении в понятии «цель» на первый план выступает заключенный в нем момент, соответствующий завершению, окончанию движения. Слово «цель» имеет соответственно одним из своих значений значение конечного пункта пространства и времени, в котором осуществляется данное движение, границы, предела последнего. (Греческое *τέλος* — цель, завершение действия, результат,⁸³ латинское *finis* — конец, цель, французское *le fin* — конец, намерение, цель, немецкое *das Ziel* употребляется и для обозначения срока, конца, предела, английское *terminus* означает «предел», «цель» и «конечная станция» и т. д.)

Установить конечный результат-цель, к которому ведет процесс как к своему пределу, и под углом его определить место и роль данных явлений в процессе в целом не может не иметь существенного значения для познания действительности. Понятие цели приобретает в этом употреблении содержание, глубоко (хотя и не абсолютно, как мы только что видели) отличное от содержания понятия цели в его основном значении философской категории. В нем находит в данном случае свое выражение аналитический метод отыскания причин по их следствию. Очевидно, что применение «цели» в таком значении при изучении органической природы ни в коем случае не является проявлением телеологического мировоззрения. Именно в таком смысле употребляет это понятие почти на каждом шагу при описании биологических явлений сам Ч. Дарвин, изгнавший, как мы уже видели, телеологию из науки о живой природе. Такое же употребление этого понятия мы встречаем у Э. Геккеля, В. О. Ковалевского, К. А. Тимирязева, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, Н. Я. Введенского и других известных представителей материализма в естествознании, непримиримых борцов против телеологии. К. А. Тимирязев высмеивал ультра-реалистическую группу американских биологов, которые стремились изгнать из науки все, что так или иначе отзывается телеологией или антропоморфизмом, и на этом основании высту-

⁸³ О «двусмысленности» слова *τέλος* см.

F. Jodl, *Geschichte d. Ethik in der neueren Philosophie*, I B., Stuttgart, 1882, S. 370.

павших и против такого употребления понятия цели. Они, — писал Тимирязев, — «объявляют войну всем словам, имеющим, по их мнению, такую подозрительную внешность (вплоть до изгнания частиц *to* и *for* — для и чтобы), причем сами частенько попадают впросак, заменяя слово «приспособление» выражением «выгодная реакция», или слово «функция» словом «роль».⁸⁴

Факт использования категории цели в качестве особого субъективного способа описания биологических и социальных процессов был в истории философии впервые правильно подмечен и описан Кантом. Основной порок кантовского понимания цели в природе состоял не в том, что Кант подчеркивал значение использования в биологии понятия цели в качестве, как он говорил, «хорошего эвристического принципа»,⁸⁵ а в том, что он в принципе отрицал для человеческого познания возможность когда-либо узнать подлинную причинную основу органической целесообразности. В истории естествознания роль понятия цели в таком его использовании прекрасно определил И. П. Павлов. «Идея возможной цели при изучении каждой системы, — говорит он, — может служить только как пособие, как прием научного воображения ради постановки новых вопросов и всяческого вариирования экспериментов».⁸⁶ В противоположность Канту, И. П. Павлов исходит при этом из глубокого убеждения в полной познаваемости объективных каузальных законов живой природы. Он предостерегает против забвения того, что обозначение их определенных действий антропоморфическим термином цели носит сугубо искусственный, субъективный характер, что «втискивание» ее в цепь природных причин и превращение в «конечную причину телеологии» «есть смешение разных вещей и помеха доступному нам сейчас плодотворному исследованию.»⁸⁷

Гносеологическая сущность целевого способа описания поступательного процесса развития была раскрыта Марксом и Энгельсом в ходе критики ими телеологического понимания истории. «На самом деле то, что обозначается словами «назначение», «цель», «зародыш», «идея» прежней истории, есть не что иное, как абстракция от того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую.»⁸⁸ «Цель» в таком ее употреблении есть, «в лучшем случае, риторическая форма, один из многих способов» изложения фактического материала.⁸⁹ Итак, по мнению Маркса и Энгельса, категория цели в этой роли представляет собою абстракцию от реальной причинной связи в процессе развития, превращенную форму отражения этой связи, когда предшествующая история рассматривается с точки зрения

⁸⁴ К. А. Тимирязев, Избранные сочинения, т. 4, стр. 482.

⁸⁵ И. Кант, Критика способности суждения, СПб, 1898, стр. 304.

⁸⁶ Физиология нервной системы, указ. изд., т. 1, стр. 550.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 45.

⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения т. 4, стр. 141.

ее значения для возникновения последующей. Допустимость такого приема научного исследования вытекает из диалектического принципа единства исторического и логического. Не только предшествующее развитие дает возможность лучше познать его конечный результат, но и знание этого результата позволяет глубже понять прошлое. Степень приближения к высшей форме, человеку — в эволюции органического мира, к коммунистическому обществу — в общественном развитии, служит объективным масштабом прогресса. Он помогает вскрыть основное объективное направление, по которому шло развитие. Познание итога развития позволяет выделить наиболее существенное в предшествовавших формах, вскрыть тенденции, возможности, существовавшие на низших ступенях развития. «Размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* (задним числом), т. е. исходит из готовых результатов процесса развития.»⁹⁰ Так, знание экономического строя феодального общества помогает нам правильно оценить историческое значение возникновения колониата в рабовладельческом Риме как «зародыша» феодальных производственных отношений. Учет необходимых закономерностей возникновения и развития социалистического общества освещает подлинную историческую роль капитала, его «цель», «историческое призвание». «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.»⁹¹ Сходная диалектическая мысль имеется уже у Гегеля, только у последнего она искажается в телеологическом духе его системы: «Для понимания низших ступеней необходимо знакомство с высшим организмом, ибо он является масштабом и первообразом для менее развитых; так как в нем все дошло до своей развернутой деятельности, то ясно, что лишь из него можно познать неразвитое.»⁹² У Гегеля в данном случае телеология (высший организм — «первообраз» менее развитых) означает отождествление цели в ее функции эвристического приема с объективным отношением действительности, что соответствует его идеалистической онтологизации познания. На подобном же отождествлении этих разных значений понятия цели пытался построить апологию телеологических воззрений в истории естествознания известный буржуазный историк науки В. Уэвелль. Он опирался при этом, в частности, на свидетельство великого физиолога Гарвея о том, что натолкнуло последнего на открытие кровообращения. Устройство венозных клапанов, направляющих движение крови

---

⁹⁰ К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 82.

⁹¹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 219.

⁹² Гегель, Сочинения, т. 2, М.—Л., 1934, стр. 518.

к сердцу, по словам Гарвея, «побудило его думать, что природа, обыкновенно столь предусмотрительная, устроила так много клапанов не без цели; и ни одна цель не казалась ему более вероятною, как та, чтобы кровь расходилась по артериям и возвращалась по венам, клапаны которых не препятствуют прохождению ея таким путем.»⁹³ Однако не может быть сомнения в том, что здесь, как это явствует из приведенного высказывания, Гарвей применяет понятие цели (объективно, вне зависимости от его общепhilosophических взглядов, с которыми он это применение мог связывать) в рассмотренном только что нами специфическом значении приема исследования, а не в смысле «конечной причины». Был прав выдающийся соратник Чернышевского М. А. Антонович, который в своих примечаниях к труду Уэвелля обвиняет автора в смешении двух по существу разных понятий при попытке отстоять телеологию.⁹⁴ В наши дни немецкий философ Э. Блох в своей попытке ревизии марксистской философии исходил в принципе из такого же смешения понятий. Из того факта, что при определении прогресса может быть поставлен вопрос о его направлении — «куда?» и «к чему?», перспектива развития может быть обозначена словом «смысл» и т. д.,⁹⁵ Э. Блох делал логически и гносеологически неправомерный вывод о том, что в самом процессе действительности якобы заложена какая-то объективная безличная цель.

К оправданию телеологии приходит, опираясь на эту функцию понятия цели, и идеализм субъективный. Поскольку последний отрицает за причинностью объективное существование, постольку для него, при последовательном проведении его основной позиции, принципиально не может быть разницы между телеологическим и детерминистическим пониманием явлений природы. Они превращаются в субъективном идеализме в два равноправных, чисто субъективных приема описания нашего чувственного опыта. В современной буржуазной философии в роли активного защитника телеологии с позиций субъективного идеализма выступает Р. Б. Брэйтзуэйт. В своей книге «Научное объяснение» Брэйтзуэйт исходит из позитивистского отрицания им основного вопроса философии. Он объявляет этот вопрос несущественным и неразрешимым и утверждает, что не желает будто бы его касаться. Поэтому свое исследование категорий закона, возможности, причинности и цели он намеривается осуществить, по его выражению, «ограничиваясь лишь первым этажом»,⁹⁶ т. е.

---

⁹³ В. Уэвелль, История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени, т. 3, СПб, 1869, стр. 519.

⁹⁴ М. А. Антонович, Примечания, в книге В. Уэвелль, история индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени, т. 3, СПб, 1869, стр. 617—619.

⁹⁵ E. Bloch, Differenzierungen im Begriff Fortschritt, «Sitzungsberichte d. Deutsch. Ak. d. Wiss. zu Berlin», 1955, N 5, S. 8, 40—41.

⁹⁶ R. B. Braithwaite, Scientific Explanation, p. 3.

замыкаясь в рамки субъективного. Эта исходная позитивистская позиция Брэйтзуэйта предопределяет и характер трактовки им отношения детерминизма и телеологии. Вопрос о соответствии последних объективной реальности теряет для него всякий смысл. Достаточным признаком истинности той или иной теории объявляется способность ее доставить интеллектуальное удовлетворение субъекту.⁹⁷ Поскольку прием целевого описания дает такое «удовлетворение», в особенности в области биологических наук, телеологическое объяснение природы оказывается «заслуживающим не меньшего доверия, чем обычное причинное объяснение.»⁹⁸ Игнорирование подчеркнутого еще Кантом субъективного характера целевого приема рассмотрения, принципиально отличного от детерминистического подхода к явлениям природы, лежит также в основе утверждения Р. Б. Мэк Леода о том, что Дарвин, показав все огромное значение для биологической теории явления целесообразности, восстановил тем самым в науке аристотелевские конечные причины.⁹⁹

В то же время необходимо подчеркнуть, что признание правомерности применения «цели» в биологии в качестве эвристического приема ни в коем случае не должно служить прикрытием по существу телеологического характера тех или иных теорий.

Категория цели сложна и многогранна. Она может и должна изучаться с разных сторон, в разных отношениях. Вопрос категории цели возникает прежде всего при познании отношения объективной целесообразности. Решение дается в ходе непримиримой борьбы с телеологией. Во-вторых, необходимо исследовать природу реальной цели в сознательной деятельности человека. В-третьих, анализ понятия «цели» требует рассмотрения его гносеологического содержания в теории отражения. Наконец, «цель» должна быть рассмотрена со стороны ее социальной значимости, места и роли ее в жизни общества. До конца последовательно отвергая все мифы телеологии, марксистско-ленинская философия представляет научное понимание огромной роли правильно поставленных целей как в личной жизни человека, так и в развитии общества. Мировоззрение диалектического материализма служит теоретической основой выработки целей великого движения современности. Сознание исторического значения цели построения коммунизма поднимает миллионы на борьбу за ее осуществление, в огромной мере ускоряет продвижение к ней нашего народа.

---

⁹⁷ Там же, стр. 323.

⁹⁸ Там же, стр. 334.

⁹⁹ R. B. MacLeod, *Teleology and Theory of Human Behaviour*, «Science», N 125, N 3246, 1957, p. 478.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. О проблеме «цели» в понимании природы	3
2. Цель как закономерность познавательно-практической деятельности человека	15
3. Цель как вспомогательный прием познания	38

Тартуский государственный университет
Тарту, ул. Юликооли, 18

М. Г. Макаров

К ВОПРОСУ КАТЕГОРИИ «ЦЕЛЬ» В ФИЛОСОФИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Корректоры А. Правдин и С. Ма'азик

Сдано в набор 23/1 1960. Подписано к печати 22/II 1960. Бумага 60×92,1/16. Печатных листов 2,75. Тираж 700 экз. МВ-01196. Заказ № 874.

Типография им. Ханса Хейдемана, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19.

Цена 1 р. 70 к.